

**Олейников А.А. Вопросы преподавания экономической теории в православных вузах: к вопросу о том, на каком языке церковь разговаривает с Человеком в эпоху постмодерна в XXI веке // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы международной конференции. НИУ «БелГУ», сентябрь 2011 г. / отв. Ред. С.Д. Лебедев. — Белгород: ИД «Белгород», 2011. // Сайт: Научная школа. «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд» // [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа:**

Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы международной конференции. НИУ «БелГУ», сентябрь 2011 г. / отв. Ред. С.Д. Лебедев. — Белгород: ИД «Белгород», 2011//Сайт: Научная школа. «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд» // [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: [www // euroussianmainstream/](http://www.euroussianmainstream/)

В статье анализируются проблемы формы и содержания языкового общения Церкви с Человеком и обществом в целом в контексте модификации языкового общения людей под влиянием философии и либеральной практики постмодернизма. Главным образом затрагиваются вопросы преподавания экономики в православных вузах. Автор считает порочной сложившуюся систему вузовского православного образования, при которой постмодернистские ценности американизированной экономической теории (экономикс) вступают в противоречие с богословскими догматами православия как восточного христианства.

Как известно, социология Церкви, занимаясь теоретическими и эмпирическими исследованиями, исследует такие понятия как «Церковь», «личность», «православный», «социализация с участием Церкви», «церковная социализация» и т.д. При этом очевидно, что, скажем, такие понятия, как *«социализация с участием Церкви»* и *«церковная социализация»* должны разрабатываться в контексте агрессивной секуляризации, характерной для современной эпохи постмодерна<sup>1</sup>. Очевидно, что в центре исследований должны стоять вопросы, насколько модернизация и либерализация общественной жизни и церковной сферы изменяют отношения между человеком и Церковью? Увеличиваются ли возможности свободного личного выбора? Для социологии Церкви необходимо исследовать также и то, на каком языке с человеком разговаривает Церковь, каковы каналы социализации с участием Церкви?

В этом контексте возникает ряд взаимосвязанных вопросов. Во-первых, насколько постмодерн изменяет язык общения самих людей. Во-вторых, насколько изменяемая структура языка и сознания влияют на язык общения

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Бреская О.Ю. Социология церкви в Восточной Европе: методология и предмет исследования // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-07/Breskaya.pdf>  
Добрускин М.Е. О социальных функциях Церкви (на материалах Русской Православной церкви). [Электронный ресурс]: URL: [www.isras.ru/files/File/Socis/2002-04/Dobruskin.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-04/Dobruskin.pdf)

Церкви с прихожанами, со своей паствой, с Человеком. Третий вопрос связан с тем языком, на котором **должно** вести преподавание в православных вузах светских общественных дисциплин и, частности, экономической теории (экономики), как общетеоретической и общеметодологической науки, без которой практически невозможно выработать адекватную данному обществу и данной цивилизации модель национального хозяйства.

Данная проблема, как известно, связана с объективным процессом выхода преподавания богословских и церковных дисциплин за рамки духовных семинарий и академий РПЦ, благодаря организации различных богословских курсов, а также успешному функционированию таких православных вузов, как, например, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, в рамках которого студенты получают также и светские знания по педагогике, социологии и экономике, получая соответствующие специальности — «педагог», «социолог», «экономист». И вот здесь-то вопрос о том, на каком языке Церковь не только может, но и **должна** разговаривать с людьми, возникает уже со всей остротой и в новом ракурсе.

Очевидно, что преподавание общественных наук, в частности экономической теории, в православных вузах должно отличаться от обычной методики преподавания общественных наук в светских вузах, где оно, как правило, регулируется официальными стандартами министерства образования РФ. Суть проблемы здесь заключается в том, что преподавание экономической теории в светских вузах, как известно, основано на денежных ценностях и соответствующей методологии, импортированных в Россию из США. Само по себе это — преступление. Это — добровольная сдача нашего духовного пространства в руки идеологического и цивилизационного противника России и всего Православного Востока. Принципиально важно, что эта система обучения, основанная на западных методиках, на западных порочных доктринах, *работает сегодня против России и стран СНГ, формируя в наших странах молодежь, воспитанную на основе прозападных стандартов и ценностей, стремясь настроить её антиклерикально — в духе отрицания высших божественных ценностей, утверждая взамен «религию прав человека» и прочие ценности «современного общества», подвергнутого агрессивной секуляризации.*

Однако, если в светских вузах американизация преподавания экономической теории, будучи порочна, порождая циников и бездушных специалистов, стремящихся к стяжательству, то в православных вузах использование американизированных методик и соответствующих методов экономического анализа и финансового менеджмента — является порочным уже вдвойне и даже втройне.

Судите сами. Изучая церковные предметы «История Древней церкви» и «Византология», студенты узнают, что в основе западного христианства лежат институты и правовые нормы, а восточное христианство основано на морально-этических принципах, на духовных основаниях, на Вере. По выраже-

нию выдающегося русского историка Церкви конца XIX столетия В.В. Болотова, там «где **Восток видел философскую и моральную идею**, там Запад создавал институт». Запад подчинил общественную и религиозную жизнь Закону, а Православный Восток — Вере.

Поняв принципиальное различие между Востоком и Западом, между духовно возвышенной Византией, создавшей Восточное христианство (Православие), характеризующее традиционализмом и консерватизмом, и материально приземленным Католицизмом и коварным Ватиканом, разграбившим Византию силами крестоносцев в период с 1204 года вплоть до 1261 года, морально здоровый студент с неповрежденным сознанием начинает постигать, что Восток и Запад разделяет огромная духовная пропасть, что после ритуального разграбления и тотального унижения Византии Ватиканом уже ни о каком воссоединении православия и католицизма и речи быть не может.

Изучая литургическое предание и литургику и, в частности, чинопоследование церковного Таинства Крещения, студент в контексте вышеизложенного понимает, что требование священника к проходящему Таинство Крещения совершить так называемое «*поплюновение*», становясь лицом к Западу как символу Тьмы и Зла, является очень символическим религиозным актом, отражая непримиримые богословско-догматические и цивилизационные противоречия, разделяющие Восток и Запад, Православие как Восточное христианство и Католицизм как христианскую ересь.

И вот теперь давайте представим, что же может произойти в голове у студентов, когда они, изучив досконально и на «отлично» предметы «История Древней церкви» и «Византология», «Введение в Литургическое предание», «Апологетика» и ряд других религиозных дисциплин, приступают к изучению курса экономической теории (экономики), который им излагается на основе антихристианских, протестантских денежных «ценностей» — в форме американизированного учебного курса, известного под названием «Экономикс».

Они вдруг с удивлением и душевным смятением узнают, что смертные грехи *гордыни* (индивидуализма и антропоцентризма), *сребролюбия* (стяжательства и накопительства), *мшелоимства* (мещанства и потребительства), за которые они в утренних и вечерних молитвах просят прощения у Господа Бога, являются грехами, якобы, только в Церкви, а вот в реальной жизни, в экономике и хозяйственном устройстве общества они, дескать, совсем и не грехи, а, дескать, наоборот, — основополагающие ценности «современного общества», фундаментальные принципы рыночной экономики, на основе которых, якобы, и развивается весь современный мир.

Доценты и профессора, закончившие Высшую Школу Экономики (на Мясницкой), созданную на деньги Лондона и с участием пресловутой «Intel-ligence Service», будут теперь доказывать в студенческой аудитории *противоположное* тому, что студенты Православного вуза уже усвоили, изучая богословские и разные религиозные дисциплины. Теперь они будут их перечислять, занимаясь так называемой **рекультуризацией**, то есть заменой смысловых, системообразующих ценностей и принципов, которые и образу-

ют духовный фундамент любой данной цивилизации. Но ведь это же — информационная война, которую ведет Министерство образования и науки РФ — вместе с отрядами вузовской профессуры, настроенной проамерикански, — против нашей молодежи, против России и его будущего.

Однако негативное воздействие на души и сознание студентов от «рекультуризации» в православном вузе, очевидно, возрастает уже в геометрической прогрессии. И это объясняется прежде всего тем, что студент, изучая богословские и другие церковные дисциплины, укрепляясь в Православной Вере и стремясь найти свою дорогу к Богу, одновременно в той же самой аудитории подвергается нередко самой настоящей агрессивной секуляризации, в частности, когда ему преподают проамериканский курс экономической теории, открыто проповедующий ценности Мамоны, известные в христианской догматике как ценности дьявола, злого духа сатаны. И вот на этом пути студента к духовному Преображению его сознание подвергается столь активной деформации, что сам по себе процесс внедрения в систему православного обучения антиклерикальных и денежных ценностей и методик способен вызвать глубокую экзистенциальную фрустрацию и даже привести к нравственному помешательству в результате раздвоения личности и сознания. Ведь все, что преподается студентам в православном вузе, включая и светские общественные науки, воспринимается им в контексте *«социализации с участием Церкви»*, воспринимается как знание, подаваемое от имени Церкви, как продолжение разговора Церкви с Человеком.

Напомним еще раз, что, изучая богословие и православную догматику, студент узнает, что принципы западной экономической теории (американского экономикса), на основе которых устроена современная рыночная экономика, именуемая капитализмом, являются антихристианскими, вступая в фундаментальное противоречие с догматическими основами Восточного христианства (Православия). Изучая богословие и литургическое предание студент понимает, что, как справедливо подчеркивает в своих проповедях Патриарх РПЦ Кирилл, спасти себя и свое общество мы сможем не законом, а Верою, не совершенствованием юридических норм и правил, а укреплением нравственности и духовных устоев общества. Именно в этом смысл церковной проповеди Патриарха Кирилла: **«спасемся не Законом, спасемся Верою!»**.

А теперь вновь вернемся в аудиторию, где студенту в православном вузе преподают американизированный вариант экономической теории (экономики). Морально здоровый студент не сможет понять, не становясь циником, почему это вдруг Церковь начинает разговаривать с ним языком американского экономикса. Не только для студента, но и для меня непонятно, почему это вдруг в стенах Православного вуза совершенно открыто пропагандируются ценности постмодернизма.

Не следует забывать, что именно философия постмодернизма образует идейную основу западной экономической теории, основанной на принципах индивидуализма, максимизации личной выгоды, потребительства и стяжательства. Постмодернизм рассматривает себя в качестве «духовного» пре-

емника протестантской Реформации, которая вошла в историю как — антихристианская революция, утвердившая в западном обществе в XVI-XVIII вв. именно те антихристианские ценности, которые сегодня теория постмодернизации ставит во главу угла — индивидуализм, накопительство, стяжательство, алчность, презрение к традициям и культуре предков<sup>2</sup>. Вслед за Реформацией постмодернизм отвергает духовные традиции Востока, рассматривая традиционные ценности в качестве — косных, мешающих прогрессу. Постмодернизм также разрывает связь с Богом и с Традициями, проповедуя культурный релятивизм, выступая за — «...изменение системы ценностей путем замены одного (?! — А.О.) поколения другим...»<sup>3</sup>.

Постмодернизм отвергает «абсолютные ценности» традиционного общества. Именно поэтому постмодернизм характеризует ценности традиционного общества как, якобы, — *косные*, то есть неподверженные, застывшие, неизменчивые. Это рассматривается как признак отсталости, якобы, не позволяющий традиционным обществам стать на путь постмодернизации. Ведущий американский теоретик постмодернизма Р. Ингледарт утверждает, что ломка «некоторых компонентов традиционной системы ценностей» является необходимым условием успешной модернизации, т.к. «абсолютные ценности по своей сути имеют косный характер, и в условиях быстро меняющейся среды адаптируются к этим изменениям с трудом»<sup>4</sup>.

Очевидно, что подрыв и разрушение духовной структуры объективного бытия человека равнозначно разрушению его сознания, т.е. уничтожению того, что отличает человека от животного. В результате человек лишается своего «я». Марксистское положение о том, что «*бытие определяет сознание*» оказывается верным, но только лишь наполовину: сознание человека определяет не материальное, а **духовное бытие**. Его подрыв деформирует и разрушает сознание (отдельного человека), которое является всегда производным от общественного духовного бытия.

Постмодернистская «культурная революция», являясь духовной наследницей протестантской религиозной революции, привела к утверждению на Западе новой «индустриальной религии» (Э. Фромм), превратившей человека в рыночную машину — в «экономического человека», в носителя внедренных в него рыночных ценностей. Э. Фромм указывает на то, что «личности с рыночным характером... не имеют даже своего собственного «я», на которое они могли бы опереться, ибо их «я» постоянно меняется в соответствии с принципом — Я такой, какой я вам нужен». **«Цель человека рыночного характера — «надлежащее функционирование»** в данных обстоятельствах — обуславливает его рассудочную в основном реакцию на окружающий мир. Разум в смысле *понимания* является исключительным достоянием Номо

<sup>2</sup> См.: Фромм Э. Иметь или быть?: Пер с англ. - М.: Прогресс, 1990. С. 144-158.

<sup>3</sup> Ингледарт Р. Модернизация и Постмодернизация. — Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. С. 282 (шрифтом выделено мной - А.О.).

<sup>4</sup> Там же. С.280 (выделено мной - А.О.).

sapiens; *манипулятивный же интеллект* как инструмент достижения практических целей присущ и животным, и человеку. Манипулятивный интеллект, лишенный разума, опасен, — подчеркивает Фромм<sup>5</sup>.

Очевидно, что в эпоху агрессивной секуляризации и господства постмодернистских антиклерикальных ценностей Православная церковь не может адекватно объясняться с обществом, обращаясь к нему, к мирянам с церковной и миссионерской проповедью, говоря при этом на языке постмодерна, отвергающего ценности традиционализма, выступающего с агрессивной критикой вечных и нетленных ценностей как, якобы, «пережитков традиционализма».

Рыночный фундаментализм, основанный на абсолютизации рыночных критериев, на стремлении оценивать деятельность всех сфер общества на основе принципов экономической эффективности, стремится к тому, — чтобы буквально всем явлениям жизни и культуры придать товарную, а значит, отчуждаемую форму меновой стоимости. Однако, как подчеркивает известный православный политолог С.А Панарин, «во всякой здоровой культуре непродажными считались любовь и вдохновение, истина и красота. Также непродажными выступали и испытанные коллективные ценности: родной язык и священная земля предков, национальная территория и национальные интересы, гражданский и воинский долг»<sup>6</sup>.

ИТАК, неолиберализм является, по сути, *теорией перманентных революций*, оплачиваемых всегда банкирами. Установить мировую власть, к которой стремятся неолибералы, можно только в результате эрозии и подрыва общенациональных ценностей, формирующих современные государства-нации и всю систему цивилизаций, каждая из которых выступает в качестве самостоятельного и независимого культурно-исторического типа. В этих целях главный удар неолиберальная культурная революция (подготавливающая реализацию уже настоящих революций, свержающих неудобные Западу общественно-политические системы) наносит по системе смыслообразующих ценностей и понятий, формирующих смыслообразующие принципы культуры.

Именно они образуют культурное ядро, т.е. — **ядро** национальных духовных ценностей и принципов, на основе которых формируются принципы жизнедеятельности данной нации и данного народа. При этом национальное хозяйство, в идеале, должно служить механизмом реализации общенациональных целей и ценностей, выполняя служебную роль по отношению ко всему обществу.

Однако национальное хозяйство далеко *не всегда соответствует* этим принципам. Насаждение в данном обществе псевдокультурных ценностей, разрушающих смыслообразующие ценности и принципы культуры данного государства-нации, приводит к тому, что современные агенты «мировой ре-

<sup>5</sup> Фромм Э. Иметь или быть? — М., 1990. — С. 153, 155 (курсив автора — А.О.).

<sup>6</sup> Панарин А.С. Искушение глобализмом. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 130-131.

волюции» насаждают в данной стране **ложную** систему духовных принципов, выдавая их за некие «общечеловеческие ценности», за «универсальные принципы», на основе которых дескать развивается уже весь мир, за исключением «туземных народов».

В итоге национальная государственная идеология, как система работающих принципов, превращается в совокупность импортированных, западных принципов. А национальное хозяйство начинает развиваться на основе принципов, оторванных от принципов национальной жизнедеятельности. При таком подходе национальное хозяйство данной страны теряет свой *национальный* характер, неизбежно превращаясь — в хозяйство данной «территории», имеющее всего лишь национально-ограниченный характер, но при этом лишенное системы общенациональных ценностей.

Именно поэтому вопрос о том, что преподавать в качестве экономической теории как в православных, так и в светских вузах, не является праздным. Мы не должны забывать, что экономическая теория призвана давать *научное обоснование механизму движения экономики* и всего общества.

Ну а если наука ошиблась? Если ученые ошибаются, или же какая-то группа ученых, допустим, сознательно вводит в заблуждение правительство и руководство страны в целом, выдавая ошибочные экономические тезисы и принципы — за, якобы, истинные, за некие «универсальные» и «общечеловеческие» ценности, якобы, лежащие в основе развития «цивилизованного мира»?!

**Что тогда?** Тогда общество получает ложные ориентиры, и данная страна в целом начинает двигаться к **катастрофе**. Экономическая теория и наука образует **общетеоретическую и общеметодологическую основу** государственной идеологии как системы действующих (работающих) принципов, которые практически реализуются в очень конкретной форме социально-экономической политики — через разнообразные механизмы государственного управления и регулирования всего народного хозяйства и общества в целом. **Ошибочные и ложные доктрины и принципы, играя роль дезинформации, способны нести в себе мощный разрушительный потенциал.**

Ошибка в теории многократно отзывается, сказывается на практике, возрастая в геометрической прогрессии, приобретая силу сверхмощного кумулятивного снаряда, разрушающего и выжигающего все внутри. В результате стоят предприятия, замирают целые отрасли, задыхается от безденежья не только социальная и бюджетная сфера целиком, но и вся страна — распадаются предприятия, отрасли, регионы, распадается всё народное хозяйство. Доктрины и принципы либерализма, неолиберализма и монетаризма превращаются в необычное оружие массового поражения, которого еще не знала история!

Не будет излишним ещё раз указать на то, что в этом историческом контексте приобретает особую актуальность задача разработки новых учебников по экономической теории, адекватных социокультурным и геополитическим особенностям всех наших евразийских стран — не только

СНГ, но и всех постсоветских республик, объединённых единым социокультурным пространством и общностью исторической судьбы.

В заключении сделаем краткие выводы.

1. Православная Церковь всегда говорила с Человеком и обществом, строго следуя сложившимся историческим традициям и богословским догматам.

2. Постмодернизм не только расслаивает общество, формируя «мозаичную культуру», но также — расслаивает сознание, разрыхляет язык, взламывает исторические устои общества.

3. В этих условиях у определенной части клира может появиться соблазн говорить с обществом и людьми на, якобы, понятном им языке, исходя при этом из того, что экономика общества и его хозяйство во многих странах, включая и современную Россию, устроены на принципах постмодернизма.

4. Но при этом и Церковь, и общество должны отдавать себе отчет в том, что неких универсальных, «общечеловеческих», принципов общественного устройства нет и быть не может, что вся мировая история является историей борьбы либерализма с традиционализмом; что принципы постмодернизма являются по сути своей — антихристианскими, укореняя общество в грехе и призывая агрессивно людей к *сребролюбию, милоимству, гордыне* и другим грехам.

5. Надо признать, что попытки говорить со студентами православных вузов от имени Церкви языком постмодернизма — в процессе преподавания, в частности, экономической теории (экономики) — могут иметь драматические для Церкви последствия, невольно превращая ее в инструмент агрессивной секуляризации, в частности, когда студентам преподают проамериканский курс экономической теории, открыто проповедующий ценности Мамоны, известные в христианской догматике как ценности Дьявола, злого духа Сатаны. Автор считает порочной сложившуюся систему вузовского православного образования, при которой постмодернистские ценности американизированной экономической теории (экономикс) вступают в противоречие с богословскими догматами православия как восточного христианства.

